В. А. Суровикинъ.

Отъ Острогожска до Тобольска.

Путевыя впечатлѣнія.

(Изъ писемъ къ Л. М. Савелову).

МОСКВА.
Типо-Литографія Г. И. Простакова, Балчугъ, д. Симонова мон.
1905.

В. А. Суровикинъ.

Отъ Острогожска до Тобольска.

Путевыя впечатлѣнія.

(Изъ писемъ къ Л. М. Савелову).

МОСКВА.
Типо-Литографія Г. И. Простакова, Балчугъ, д. Симонова мон.
1905.

Дозволено цензурою. Москва, 17-го ноября 1904.

№ 11956.

К 44 2/2

Леониду Михаиловичу

Савелову,

въ знакъ высокаго почтенія и глубочайшаго уваженія,

посвящаетъ

Авторъ.

БИБЛИОТЕКА Г. И. М.
№ 2527
1—II 1931 г.

1. Отъ Острогожска до Тобольска.

(Путевыя впечатлѣнія).

Раннее утро въ концѣ мая. Только что прошелъ дождь, въ воздухѣ чувствовалась пріятная прохлада, успокоительно дѣйствовавшая на душевное настроеніе, яркая зелень лѣса и луговъ, окружающихъ станцію „Острогожскъ“ пріятно ласкала зрѣніе. Мы ходили по платформѣ въ ожиданіи поѣзда съ родными и знакомыми, провожавшими насъ въ далекій путь. На запасномъ пути стоялъ воинскій поѣздъ, пришедшій изъ Харькова и направлявшійся на Дальній Востокъ съ запасными войсками, только что мобилизованными въ кіевскомъ округѣ; по случаю ранняго времени толпа любопытныхъ, обыкновенно собирающихся къ воинскимъ поѣздамъ, была незначительна, солдаты, сонные, изрѣдка проходили въ вокгалъ: кто умыться, кто заварить чаю; офицеры, очевидно, еще спали. Въ публикѣ шли толки о томъ, что отъ города готовится угощеніе для солдатъ и особо для офицеровъ; солдатамъ приготовлены пакеты съ чаемъ, сахаромъ и табакомъ, какъ это было и раньше—при первыхъ встрѣчахъ воинскихъ поѣздовъ.

Но вотъ послышался свистокъ, подходящаго къ станціи, поѣзда. Дрогнуло сердце въ виду приближающагося

момента разлуки съ людьми, когда-то близкими, съ родными мѣстами, гдѣ прошла вся молодость и большая часть жизни, гдѣ было положено много труда и лучшихъ силъ потрачено на то, чтобы подъ конецъ жизни успокоиться и скромно работать, но такимъ мечтамъ не суждено было сбыться... я покидалъ родину вмѣстѣ съ семьей, чтобы начать новую службу въ далекомъ Тобольскѣ.

Обычная сутолока торопливыхъ сборовъ, укладывания вещей, торопливыхъ прощальныхъ разговоровъ, пожеланій, обѣщаній писать чуть не каждый день, не забывать насъ истинныхъ друзей, какъ полагается въ этихъ случаяхъ, женскія слезы, объятія, безконечные поцѣлуи...

Третій звонокъ, паровозъ пыхтитъ и поѣздъ медленно двинулся. Вдругъ тетя Варя вспомнила, что забыла поцѣловать еще разъ Соню, и быстро, на ходу поѣзда, совершаетъ этотъ поцѣлуй, поѣздъ движется все быстрѣе и отъѣзжающимъ и провожающимъ остается лишь махать платками и дѣлать знаки руками.

И поѣздъ помчался.

Часъ спустя мы вступили въ долину рѣки Дона, съ одной стороны рельсоваго пути тихій, синій Донъ, а съ другой—дивныя мѣловыя горы съ Дивногорскимъ монастыремъ, пріютившимся въ ущельѣ этихъ горъ. Еще часъ прошелъ и мы на станціи Лиски, тамъ уже видимъ большое скопленіе передвигающихся на Дальній Востокъ войскъ, около воинскихъ поѣздовъ массы народа: всѣ хотятъ посмотрѣть на борцовъ „за Вѣру, Царя и Отечества“, всѣ хотятъ уловить какую-либо черту изъ этого совершающагося на нашихъ глазахъ историческаго событія, всѣ хотятъ проявить свой пат-

ріотизмъ по мѣрѣ силъ: бабы несутъ солдатикамъ яицъ, хлѣба, молока или соль, зажиточные крестьяне и торговцы умудряются надѣлить запрещеннымъ для нижнихъ чиновъ „веселящимъ сердце“ напиткомъ и ловко умудряются и все это дѣлается отъ искренняго сердца.

Далѣе помчался поѣздъ.

Между г. Бобровомъ и с. Хрѣновымъ на протяженіи 15 верстъ по рѣкѣ Битюгъ дорога проходитъ лѣсами, а затѣмъ начинаются степи, обширныя, безконечныя степи, сколько можно видѣть вдаль—все зеленыя равнины: или степныя травы или же посѣянные хлѣба. Удаляясь съ юга на сѣверъ, только и замѣчаешь, что посѣвы яровыхъ хлѣбовъ, чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ позднѣе сдѣланы эти посѣвы и мѣстами только всходятъ, только этимъ отличаются картины природы Воронежской отъ Пензенской губерніи, та же безпредѣльная равнина, то засѣянная хлѣбами, то степная; кое-гдѣ вдали замѣтишь изрѣдка, какъ оазисъ въ пустынѣ, зеленѣющій лѣсокъ.

Вечеромъ мы пріѣхали въ Балашовъ. Обширный вокзалъ переполненъ военными всѣхъ родовъ оружія, давка невообразимая, мы поспѣшили пересѣсть на поѣздъ, отправляющійся на Пензу, а въ полдень слѣдующаго дня мы уже были тамъ. Въ Пензѣ стояло уже нѣсколько воинскихъ поѣздовъ: эти поѣзда отправлялись, а новые приходили приблизительно черезъ часъ. Въ числѣ публики, глазѣющей на станціи и въ числѣ пассажировъ появились татары въ неприкосновенной чистотѣ своего татарскаго типа: юркіе, съ плутоватыми глазами, рослые, здоровые; на промежуточныхъ станціяхъ далѣе отъ Пензы иногда можно было встрѣтить дѣтей татаръ обоего пола 5—6 лѣтъ въ раскрашенныхъ

золотомъ и бисеромъ шапочкахъ, но женщины или дѣвушки-татарки мы не видѣли.

По пути слѣдованія воинскихъ поѣздовъ нѣкоторые солдатики имѣютъ вблизи желѣзнодорожныхъ станцій свои родныя семьи и въ виду дневокъ опредѣленныхъ для отдыха войскъ солдатамъ ихъ селеній, находящихся по пути слѣдованія воинскихъ поѣздовъ разрѣшалось побывать 2—3 дня дома съ такимъ разсчетомъ, что они могутъ догнать свой поѣздъ съ однимъ изъ пассажирскихъ. И вотъ почти на каждой станціи можно видѣть раздирающія душу картины разставанія женъ и дѣтей, отцовъ и матерей съ этими счастливцами, побывавшими дома, но растравившими дотолѣ скрытыя сердечныя раны свои и своихъ близкихъ. Стонетъ и плачетъ старуха-мать, обнимая своего ненагляднаго сына, рыдаетъ жена, сестры, а малыя дѣти выплакали слезы, онѣ тупо, уныло вцѣпились за тятькину шинель, какъ бы желая удержать его своими дѣтскими рученками. Стоитъ баба съ грудным ребенкомъ на рукахъ и смотритъ молча на своего мужа, она не плачетъ, всѣ слезы выплаканы, она только смотритъ, смотритъ, какъ бы желая глубже запечатлѣть черты дорогого лица и говорить она не можетъ, отъѣзжающій тоже не можетъ вымолвить слова, но видно по лицамъ обоихъ разстающихся, какую тяжелую драму переживаютъ они. Въ сторонѣ стоитъ старикъ-отецъ, онъ утѣшаетъ, ободряетъ сына, говоритъ твердымъ голосомъ, а у самого текутъ ручьями слезы; къ отъѣзжающему протискивается сватъ съ бутылкой водки, наливаетъ стаканчикъ и подноситъ своему зятю солдату со словами: „не робѣй Кирюха, никто какъ Богъ!“ а самъ не выдержалъ, зарыдалъ... Кирюха едва прикоснулся къ стаканчику и, отдавая

его, проговорилъ: „нѣтъ, нейдетъ въ горло“... А бабы и дѣти все плачутъ, рыдаютъ, причитаютъ и стонутъ; во всѣхъ нотахъ этихъ рыданій и причитаній слышится что-то похоронное. Свистокъ—и поѣздъ трогается... Дорогіе отъѣзжающіе вскакиваютъ на платформу вагона... рыданія и стоны оглашаютъ воздухъ: стонетъ мать, отецъ, жена, стонутъ и рыдаютъ дѣти, стонетъ русская земля.

На одной изъ станцій, помню, наряду съ поѣздомъ долго бѣжалъ 12—13-лѣтній мальчуганъ и что-то все кричалъ быстро удалявшемуся тятькѣ, пока, наконецъ, поѣздъ не умчался далеко, далеко...

Эти печальныя картины разставаній повторялись все чаще и чаще по мѣрѣ движенія на востокъ.

А поѣздъ все мчится...

Картины природы не отличаются разнообразіемъ: все тѣ же степи, тѣ же равнины съ уцѣлѣвшими кое-гдѣ небольшими лѣсами, рѣдко прорѣзаемыя рѣченками.

Въ Сызрани пересадка. Такое скопленіе народа, такъ переполненъ былъ поѣздъ пассажирами, что мы одно время потеряли надежду найти себѣ мѣста, это удалось только благодаря приплатѣ... а еще къ довершенію нашего неблагополучія лилъ проливной дождь.

Около 10 часовъ вечера мы подъѣхали къ станціи „Батраки“ и отсюда поѣздъ пошелъ по правому гористому берегу Волги; видъ этой величавой красавицы производилъ впечатлѣніе чего-то необъятнаго, широкаго простора и глубокой тайны хранимой этой рѣкой въ глубинахъ ея... вблизи берега виднѣются фонари на пароходахъ, баржахъ и на разныхъ рыболовныхъ судахъ... въѣзжаемъ на величайшій въ мірѣ мостъ, соединяющій рельсовымъ путемъ Европу съ Азіей... конца

не видно этому водяному царству, огоньки на разныхъ судахъ дополняютъ эту волшебную панораму и получается полная чарующая иллюзія... ночь не только не мѣшала разсматривать эту дивную картину, но скорѣе усиливала эффектъ... невольно вспоминается и Стенька Разинъ, безнаказанно гулявшій по этой рѣкѣ на стругахъ, грабившій села и проѣзжавшихъ по рѣкѣ съ товарами купцовъ, и Емелька Пугачевъ, спускавшій внизъ по Волгѣ плоты съ висѣлицами и висѣвшими на нихъ жертвами грубаго произвола и необузданной страсти. А теперь... безопасное пароходное движеніе по Волгѣ и черезъ Волгу...

Въ Самару мы пріѣхали въ часъ ночи, начало свѣтать. На вокзалѣ я замѣтилъ много народа, не похожаго на обыкновенныхъ пассажировъ, сидѣвшихъ за столиками и распивающими, кто вино, кто пиво, а кто и просто водку. Я заинтересовался: что это за люди? оказалось, что это граждане, добровольно приносящіе въ жертву войны и досуги свои и капиталы; они пріѣзжаютъ на поѣзда съ вечера и стараются угостить офицеровъ, отъѣзжающихъ на войну и угощеніе это оканчивается поздно на другой день, когда обывателей развозятъ по домамъ при содѣйствіи или при участіи...

На станціи „Самара“ особенно много было солдатъ, возвращавшихся съ кратковременной побывки на родинѣ и потому картина прощанья этой многолюдной толпы производила щемящую боль въ сердцѣ и невольныя слезы у посторонняго зрителя... Стонетъ и рыдаетъ многолюдная толпа, стонетъ земля Русская.

Отъ Самары до Бугуруслана чаще стали попадаться лѣса, а отъ Белебея уже предвѣстникъ близости вели-

кихъ горъ,—холмистая мѣстность съ красновато-темнымъ цвѣтомъ глины.

Отъ Самары далѣе на востокъ на станціяхъ можно наблюдать массы рабочаго люда изъ башкиръ, татаръ и мѣстнаго смѣшаннаго населенія, они преимущественно работаютъ на желѣзной дорогѣ—каменоломы, камнетесы и т. п. Лица у этихъ инородцевъ темно-краснаго цвѣта, глаза узкіе, но въ нихъ свѣтится затаенный огонь, скулы выдающіяся,—въ общемъ впечатлѣніе получается отъ знакомства съ киргизомъ какъ о человѣкѣ угрюмомъ, апатичномъ, вяломъ и мало способнымъ... видно, что природа и исторія наложили свою печать на этомъ народѣ, какъ она налагаетъ печати и на другихъ народахъ.

Въ одномъ съ нами вагонѣ ѣхали пассажиры, не разъ проѣзжавшіе Уральскія горы, но тѣмъ не менѣе, ихъ волновало приближеніе къ этимъ горамъ, особенно волновалась одна жена доктора, ѣхавшая чуть не 10-й разъ на свиданіе съ мужемъ на театръ войны. Она предупредительно обѣщала разбудить насъ, когда мы вступимъ въ горы. Около 3-хъ часовъ утра мы всѣ уже были или у оконъ вагона или на платформахъ.

Передъ нами горы, но такія, которыхъ мы не видѣли, тамъ въ степной Россіи: это какія-то массы, возвышающіяся до облаковъ, темныя гранитныя скалы, покрытыя зеленѣющимъ лиственнымъ лѣсомъ съ самымъ вычурнымъ очертаніемъ на голубомъ безоблачномъ небѣ при восходящемъ солнцѣ.

Дивная, величественная картина, которую невозможно изобразить ни кистью художника, ни перомъ поэта, обладающаго даже божественнымъ огнемъ... это можно

только чувствовать, воспринимать, но пересказать, пе-редать другому, это, по моему, сверхъ силъ человѣка.

Виднѣется впереди мрачный великанъ, покрытый съ ногъ до головы зеленѣющимъ лѣсомъ, поѣздъ, повидимому, мчится прямо на этого великана, какъ бы желая помѣриться своими силами... думаешь, или тунель долженъ быть, или уже прямо недоумѣваешь... остановка что-ли будетъ?Оказывается, что за массой растительности и вверху и внизу трудно разобрать направленіе пути: мы съ своимъ поѣздомъ обходимъ вокругъ этого великана у его подошвы, тутъ только замѣчаешь, что съ одной стороны дороги обтесанные или сбитые камни скалы, а съ другой—мчится горная рѣчка.

Вдругъ въѣзжаемъ въ какой то мрачный корридоръ: это путь пролегаетъ по склону каменной горы, по обѣимъ сторонамъ пути отвѣсныя каменныя сѣроватаго цвѣта стѣны; корридоръ 2—3 версты длиною кончается и поѣздъ вылетаетъ изъ мрачнаго корридора въ освѣщенную солнцемъ долину, по дну которой бѣжитъ горная рѣка и черезъ нее переброшенъ мостъ—точно повисъ этотъ мостъ въ воздухѣ... Поѣздъ движется замѣтно медленнѣе, два сильныхъ паровоза неустанно работаютъ, но видно, что работа тяжелая: это мы поднимаемся все выше и выше въ горы.

Для облегченія подъема путь въ горахъ расположенъ террасами спирально и потому только, что видѣнная картина горъ въ высотѣ или наравнѣ съ поѣздомъ вдругъ черезъ 5—6 минутъ оказывается далеко внизу подъ поѣздомъ... тамъ же, въ глубинѣ, долины, между зеленью виднѣется горная рѣчка, быстро несущая свои хрустальныя воды куда-то вдаль.

Но вотъ въѣзжаемъ мы въ горную долину; вдали

виднѣется какой-то мрачный угрюмый великанъ, особо стоящій отъ смежныхъ горъ, будто могильный памятникъ какому-то сказочному богатырю; покрытый густымъ лѣсомъ, а гдѣ нѣтъ растительности, тамъ виднѣются темныя или темно-красныя гранитныя массы; въ общемъ очертанія этого каменнаго великана напоминаютъ наши степные могильники-курганы, эта скала, стоящая одиноко, называется Александровскою Сопкой, какъ объяснилъ мнѣ одинъ изъ пассажировъ, въ память восхожденія на эту гору-великана Императора Александра II-го въ 1839 году, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ.

Долго виднѣлся съ поѣзда этотъ гранитный великанъ.

Въ долинѣ одной рѣки расположился Усть-Катавскій чугунно-плавильный и рельсо-прокатный казенный заводъ; около завода построена масса маленькихъ, будто игрушечныхъ, домиковъ съ крошечными дворами—это жилища заводскихъ рабочихъ; вблизи завода возвышается церковь. На вершинѣ одной скалы, возвышающейся надъ этой долиной, устроена бесѣдка, съ которой, очевидно, открывается чудный видъ на цѣпи горъ и долину рѣки, за заводскимъ поселеніемъ огороды, какъ видно, хорошо воздѣлываемые. Не прошло 2—3 минутъ, какъ заводъ со всѣми его строеніями остался далеко позади, поѣздъ мчится опять между горъ, перескакиваетъ горные потоки, врѣзывается въ разсѣченную подошву какой-либо горы или же несется по склону ея.

Кругомъ, по обѣ стороны дороги, горы или пропасти и все лѣсъ и лѣсъ; кое-гдѣ виднѣются поляны, на нихъ пасется два-три десятка головъ рогатаго скота, видно вблизи есть какое-либо поселеніе, иногда дѣйствительно

вдали около потока можно замѣтить нѣсколько домиковъ съ надворными строеніями, но это такъ рѣдко, что общее впечатлѣніе получается такое, будто ѣдешь по какой-то пустынѣ, или же люди попрятались тамъ въ ущельяхъ горъ и боятся показываться.

А поѣздъ все мчится.

Мрачныя угрюмыя горы-великаны стоятъ по сторонамъ дороги и будто думу крѣпкую думаютъ. Кажется, будто колышется грудь великановъ, будто вырываются изъ груди глубокіе вздохи, слышится будто ропотъ великановъ, будто они говорятъ несущимся въ поѣздѣ людямъ ровнымъ безстрастнымъ голосомъ, что-то роковое, говорятъ они о глубокой древности и предсказываютъ грядущее.

Шумъ лѣсовъ покрывающихъ горы, журчанье горныхъ потоковъ дополняютъ эту иллюзію...

Слышится, будто говорятъ мрачные великаны гордому сознаніемъ своего владычества надъ міромъ человѣку: „Неподвижно стоимъ мы тысячелѣтія, были мы свидѣтелями геологическихъ переворотовъ, видѣли потопъ, были мы свидѣтелями кровавыхъ войнъ изъ-за обладанія, изъ-за власти, много историческихъ драмъ разыгралось подъ нашими ногами, видѣли мы, какъ пробирался Ермакъ Тимофеевичъ съ своими сподвижниками, чтобы покорить Сибирь, всего не разсказать что мы видѣли. Несокрушимо и грозно охраняли мы православную Русь и народы запада отъ желтолицыхъ. Но ты, человѣкъ, молотомъ и желѣзомъ, добытымъ изъ нашихъ нѣдръ, сталъ разбивать нашу каменную грудь, рубить и сжигать покрывающіе насъ лѣса, соединилъ западъ съ востокомъ рельсовымъ путемъ. И гордый сознаніемъ своего величія, совершенной надъ нами по-

бѣды, ты еще болѣе возмечталъ. А мы, какъ прежде, стоимъ и думаемъ крѣпкую думу... Вѣка миновали, народы вырождались или гдѣ-то терялись въ историческихъ болотахъ, гибли въ войнахъ и въ порабощеніи, а мы все стоимъ и думаемъ: неужто богатая событіями исторія не научила тебя слѣдовать идеаламъ, завѣщаннымъ Христомъ, неужто свѣтъ истины Христовой не озарилъ тебя? Нѣтъ, исторія тебя научила обманывать Бога и людей, ты извращалъ ученіе Христа сообразно своимъ выгодамъ...

Огнемъ и мечемъ хотѣлъ ты просвѣтить ученіемъ Христа идолопоклонниковъ, подъ знаменіемъ Креста ты поднималъ кровавыя войны, отъ которыхъ гибли цѣлыя племена, не наученныя и непросвѣщенныя тобою, но ты завладѣлъ богатствами того народа, который не успѣлъ просвѣтиться...

Теперь, когда ты созналъ наконецъ, что грѣшно оправдывать кровавыя дѣла ученіемъ Христа, ты создалъ „теорію борьбы за существованіе“, сталъ безпощадно проливать кровь мирныхъ дикарей „во имя цивилизаціи“... Съ своихъ высотъ видѣли мы, что далеко на югѣ Африки ты избивалъ и едва не уничтожилъ одинъ народъ, глубоко вѣрующій въ Христа и цивилизованный настолько, что можно гордиться такой цивилизаціей и другимъ подражать ей... Во имя какихъ же высокихъ идей ты избивалъ?.. Ты зналъ, что тебѣ пройдетъ все безнаказанно... А передъ судомъ Божіимъ, передъ судомъ исторіи ты не страшишься предстать: тебѣ нужно настоящее, а не грядущее...

Если ты вѣруешь теоріямъ Дарвина и другихъ философовъ, то зачѣмъ же создавать искусственно такія условія, которыя сами по себѣ заключаются въ при-

родѣ: „все, что неспособно жить и бороться за существованіе, умираетъ, гибнетъ“ но ты, опираясь на ту же теорію, проливаешь молодую кровь, губишь лучшія силы и тѣмъ создаешь печальное будущее.

Мы были и будемъ, говорятъ великаны, а ты, человѣкъ, какъ ни гордись своими научными познаніями, умрешь и память о тебѣ скоро затеряется въ архивахъ и часто даже въ исторіи, если ты призванъ играть историческую роль...

Такія мрачныя думы невольно навѣваются угрюмымъ видомъ великановъ-горъ и невольно просятся наружу.

Проѣзжалъ я чудныя величественныя горы Крыма, любовался на нихъ съ парохода, а съ вершины Байдарскихъ воротъ любовался необъятнымъ моремъ, видѣлъ вдали цѣпи горъ съ вычурными очертаніями; но эти дивныя горы производятъ совсѣмъ другое впечатлѣніе.

Правда, онѣ также говорятъ человѣку о его ничтожествѣ, но въ то же время слышится и призывъ къ жизни, страсти... Сказочныя, волшебныя картины крымскихъ горъ вызываютъ къ мечтательному созерцанію прекраснаго, величественнаго и фантастическаго... все это чувствуешь и мысль даже работаетъ слабо и вяло.

Такъ природа налагаетъ свою печать на характеръ и даже на внѣшній обликъ людей: тамъ, въ Крыму, люди веселы, живые, энергичные, граціозные, красивые, а здѣсь на Уралѣ—темнолицые, неуклюжіе, мрачные, какъ громадные горные великаны, среди которыхъ они поселились.

А поѣздъ все мчится.

Мы уже спускаемся на другую сторону Уральскихъ горъ; поѣздъ мчится съ такой невѣроятной быстротой, что духъ захватываетъ, два паровоза и всѣ тормоза едва сдерживаютъ эту летящую массу, такъ и кажется что поѣздъ налетитъ на какую-нибудь скалу и разобьется въ дребезги, утѣшаешь себя только мыслью, что при такой быстротѣ не будетъ даже момента, чтобы понять ужасъ смерти.

Проѣхали мы знаменитый Златоустъ, хотѣли купить разныхъ кустарныхъ издѣлій по порученіямъ изъ Россіи, но мы горько разочаровались: въ Златоустѣ намъ назначили такія цѣны за мѣстныя издѣлія, что мы въ Россіи покупали много дешевле.

Горы окончились. Мы въѣзжаемъ на равнину, покрытую лугами и лѣсами, преимущественно березой и ельникомъ; проѣхавши станцію Міассъ, мы увидѣли по правую сторону дороги на возвышенномъ мѣстѣ каменную, сѣраго цвѣта, пирамиду съ усѣченнымъ конусомъ, на одной сторонѣ этой пирамиды надпись: „Европа“, а на другой—„Азія“. Черезъ 3 часа мы пріѣхали въ „Челябинскъ“ или, какъ говорятъ сибиряки, въ „Челябу“. Станція по своимъ размѣрамъ, такъ сказать по благоустройству, напоминаетъ значительную станцію средней Россіи. Благодаря обширности станціи, тѣснота и вообще переполненіе не такъ давали о себѣ знать, какъ это было на другихъ предшествовавшихъ узловыхъ станціяхъ. Внѣшній обликъ станціонной прислуги—европейскій: тѣ же фраки съ бляхами и номерами, тѣ же бѣлые галстухи, тѣ же стриженные, приглаженные волосы на головѣ съ лоснящейся физіономіей, но только тонъ другой: отвѣчаютъ рѣзко, коротко и даже грубо и чѣмъ дальше мы

углублялись въ Азію, тѣмъ больше грубость въ обращеніи не только прислуги, но вообще и всѣхъ обывателей становилась замѣтнѣе и давала себя чувствовать, что мы находимся не въ Европѣ.

Черезъ 2 часа поѣхали мы въ Екатеринбургъ, это было 11 часовъ вечера, съ такимъ расчетомъ, чтобы попасть на почтовый поѣздъ, отходящій въ Тюмень въ 10 часовъ утра. Нашъ поѣздъ опоздалъ и потому мы едва успѣли перебраться съ массой багажа съ одного поѣзда на другой, не разсмотрѣвши даже самой станціи; видѣли только массу торговокъ съ разными бездѣлушками, выдѣланными изъ мягкихъ каменистыхъ породъ.

Вечеромъ того же дня мы пріѣхали въ Тюмень— первый городъ Тобольской губ. Утомленные безсонными ночами, мы спѣшили скорѣе въ гостиницу, но оказалось, что найти свободный номеръ не такъ легко; только въ третьей по счету гостиницѣ мы нашли свободный номеръ и вынуждены были примириться съ тою цѣною за пріютъ, какая намъ была назначена.

Немного отдохнувши отъ долгаго утомительнаго путешествія, мы на другой день отправились осматривать Тюмень. Постройки каменныя и деревянныя, коихъ большинство, выстроены въ разныхъ и даже смѣшанныхъ стиляхъ, но большинство приближается къ стилю построекъ древне-русскихъ: съ рѣзными изразцами надъ окнами, рѣзныя украшенія самыя вычурныя на воротахъ и даже на заборахъ и, кажется, я не ошибусь если скажу, что всѣ эти вычурныя украшенія стоятъ столько же, сколько стоитъ самый домъ. Главныя улицы вымощены камнемъ, тротуары изъ со-

сновыхъ и еловыхъ досокъ. Имѣется въ городѣ реальное училище, женская гимназія, городской садъ, много банковъ и ихъ отдѣленій, страховыхъ и торговыхъ агентствъ и конторъ.

По рѣкѣ Турѣ, при которой расположенъ городъ, тянется цѣлая вереница пароходныхъ пристаней, вдоль берега около пристаней проходятъ рельсовые пути для товаровъ, отправляемыхъ на пароходы или принимающихъ съ пароходовъ разные грузы. Нагрузка и выгрузка товаровъ требуетъ тысячи рабочихъ рукъ, а чѣмъ эти рабочія руки дешевле, тѣмъ, конечно, выгоднѣе, поэтому въ многотысячной разношерстной толпѣ можно наблюдать такіе типы, которые едва-ли удалось наблюдать Горькому; здѣсь все горько, угрюмо, грубо, отвратительный цинизмъ, превосходящій всѣ границы; женщины и дѣвушки, видимо молодыя, но на ихъ лицахъ отпечатокъ пресыщенія жизнью, полнаго равнодушія къ жизни. И кого только нѣтъ въ этой разношерстной толпѣ! Здѣсь и пропойцы, и бѣглые изъ разныхъ мѣстъ заключенія, бѣглые изъ далекихъ мѣстъ Сибири, даже административно высланные. А работа дѣйствительно тяжелая: тачки или телѣжки съ большимъ грузомъ поднимать и спускать съ мостика на мостикъ. Но какъ только появился заработокъ, рабочій спѣшитъ отдохнуть и пропить заработанный кровавымъ потомъ рубль. Наскучаетъ работа, онъ прибѣгаетъ къ болѣе легкому способу наживы: къ кражамъ, дерзкимъ грабежамъ; грабежи бываютъ даже на улицахъ.

Парохода, отправляющагося на сѣверъ, намъ пришлось ожидать почти три дня; за это время мы успѣли отдохнуть и возстановить расшатанные нервы.

Странное психологическое явленіе:

Покидать родину тяжело, невыносимо тяжело, но почему, я самъ не могу дать себѣ отчета, развѣ только потому, что, какъ сказалъ Грибоѣдовъ,—„и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ“,—только развѣ поэтому.

Переѣхавши черезъ Уральскія горы, я почувствовалъ перемѣну въ моемъ душевномъ настроеніи, что-то умиротворяющее повѣяло на меня. Вся жизненная драма, создавшаяся изъ мелочей повседневной жизни, драма, быть можетъ болѣе тяжелая, чѣмъ писаныя драмы,—окончилась, послѣдній актъ этой драмы не доведенъ до конца, Уральскія горы, какъ занавѣсъ на сценѣ, закрыли передъ зрителями окончаніе драмы.

Все пережитое мною за послѣдніе два—три мѣсяца какъ будто стало далеко, далеко, будто все это произошло такъ давно, что я сталъ забывать и самыя событія и острую горечь впечатлѣній.

Когда я былъ на родинѣ, нервное возбужденіе было такъ велико, что я не могъ дать себѣ яснаго отчета, какъ относиться ко всему, мною только что пережитому и переживаемому, но, переѣхавъ черезъ Уральскія горы, я почувствовалъ, что мысли мои принимаютъ опредѣленное направленіе, самообладаніе вернулось ко мнѣ и я понялъ, что гдѣ-то далеко и будто-бы очень давно люди желали сдѣлать зло ради зла...

Около 4-хъ часовъ пополудни пароходъ „бр. Плотниковыхъ“ отчалилъ отъ пристани и мы направились въ Тобольскъ. Погода стояла чудная: солнце освѣщало далекіе берега рѣки, вѣтерокъ едва только колыхалъ желтыя, мутныя воды Туры, благодаря чему, жара умѣрялась и потому большинство публики си-

дѣло на палубѣ, любуясь видами. Около самаго города устроено нѣсколько паровыхъ лѣсопиленъ, въ 6—7 верстахъ чугунно-плавильный заводъ какой-то англійской фирмы, далѣе виднѣются татарскія деревни съ деревянными и каменными мечетями, рѣже попадаются русскія поселенія съ православными храмами. Строенія въ этихъ поселеніяхъ деревянныя съ тесовыми крышами и изрѣдка желѣзными, но намъ пришлось проѣзжать мимо одного богатаго татарскаго селенія; въ этомъ селеніи много двухъэтажныхъ каменныхъ домовъ, двѣ каменныя мечети, улицы, какъ въ большинствѣ селеній, мимо которыхъ намъ приходилось проѣзжать, расположены по плану въ прямыхъ линіяхъ. Что особенно бросается въ глаза и вызываетъ удивленіе жителя средней Россіи—это почти полное отсутствіе соломы и даже сѣна; около дворовъ и даже вблизи селеній не замѣтно никакихъ признаковъ скирдъ хлѣба или сѣна, какъ это обыкновенно бываетъ въ Россіи. Одинъ почтенный дѣятель по народному образованію Тобольской губерніи, съ которымъ я познакомился на пароходѣ, объяснилъ мнѣ это явленіе такъ: здѣсь все заготовляется на зиму только въ предѣлахъ необходимаго для зимняго обихода и солома и сѣно, а такъ какъ теперь весь скотъ давно уже на подножномъ корму, то и нѣтъ зимнихъ запасовъ. Изъ рѣки Туры въѣзжаемъ въ р. Тоболъ, въ которую впадаетъ какъ Тура, такъ и нѣсколько ниже Тавда; послѣ впаденія послѣдней рѣки Тоболъ становится значительно шире. Берега этихъ рѣкъ т. е. Туры и Тобола суглинисто-песчаные, рыхлые, постоянно осыпающіеся, вслѣдствіе чего часто можно видѣть отмели и перекаты, часто мѣняется и русло рѣкъ. Пароходныя ком-

паніи при содѣйствіи правительственныхъ пароходовъ много тратятъ денегъ на уничтоженіе перекатовъ и отмелей, затрудняющихъ движеніе пароходовъ при пониженіи уровня воды.

Всѣ отмели обозначены „баканами“ и ночью эти „баканы“ освѣщаются фонарями. И хотя берега этихъ рѣкъ большею частью покрыты лѣсомъ, тѣмъ не менѣе почва настолько рыхлая, что и растущіе на нихъ лѣса не удерживаютъ обваловъ и засыпаютъ рѣки, угрожая обмеленіемъ и прекращеніемъ пароходства; хотя пароходовладѣльцы не хотятъ вѣрить въ это печальное будущее; они, между прочимъ, протестуютъ противъ соединенія Тюмени съ Тобольскомъ желѣзнодорожнымъ путемъ, который вдвое сократитъ разстояніе между этими двумя городами; такъ, теперь водный путь до Тобольска болѣе 400 верстъ, а, по сдѣланнымъ изысканіямъ, рельсовый путь будетъ имѣть протяженіе всего 200 съ небольшимъ верстъ; о преимуществахъ рельсоваго пути передъ пароходнымъ сообщеніемъ не нужно много говорить,—достаточно сказать, что пассажирское сообщеніе продолжается немного болѣе 4-хъ мѣсяцевъ, а товарное 5-ти мѣсяцевъ въ году.

Около 9-ти часовъ вечера слѣдующаго дня (т. е. послѣ 30-ти часовой ѣзды отъ Тюмени), на горизонтѣ показался г. Тобольскъ; пассажиры высыпали на палубу любоваться видами.

Хорошо знакомые съ городомъ объясняли: на горѣ виднѣется большое зданіе присутственныхъ мѣстъ, правѣе соборъ, а еще дальше садъ Ермака съ бѣлѣющимся памятникомъ ему. Не доѣзжая 6-ти верстъ до города, рѣка Тоболъ сливается съ рѣкою Иртышомъ, воды Иртыша, вслѣдствіе илистаго дна, бѣло-

вато-молочнаго цвѣта, а воды Тобола мутныя, темныя и эти два теченія рѣкъ рѣзко обозначаются до самаго города Тобольска:—одна половина рѣки съ бѣловатою и другая—темною водою—такъ недружелюбно встрѣчаются эти двѣ многоводныя рѣки. Ближе и ближе подъѣзжаемъ къ Тобольску, уже ясно видно, что одна часть города расположена на высокомъ обрывистомъ берегу Иртыша, а другая часть подъ горою на низменной долинѣ той же рѣки. Многоводная рѣка, живописное мѣстоположеніе города, имѣющаго много историческихъ воспоминаній, кругомъ города и въ самомъ городѣ зеленѣются лѣса, (а въ городѣ мы предполагали сады, но насъ на пароходѣ же разочаровали: плодовыхъ деревьевъ здѣсь нѣтъ) все это произвело на насъ хорошее впечатлѣніе, появились въ душѣ успокоительныя надежды, а главное, самъ по себѣ городъ, его окрестности съ историческими памятниками возбудили интересъ: хотѣлось поскорѣе познакомиться со всѣмъ, что имѣетъ характеръ историческій или чисто бытовой, черезъ нѣсколько минутъ мы будемъ въ Тобольскѣ. Что-то ожидаетъ меня тамъ, какъ отнесутся ко мнѣ, что за люди тамъ?

Эти невольные вопросы чередовались одинъ за другимъ, вызывая въ душѣ то надежду, то сознаніе своего одиночества и трудности предстоящихъ задачъ... Но я утѣшилъ себя, вспомнивъ слова одного англійскаго соціолога: „гдѣ есть люди, тамъ и страсти, а съ ними неразлучно зло“. Быть можетъ даже здѣсь, въ силу исторически сложившихся условій и вліянія природы и климата, люди лучше и чище, чѣмъ тамъ, далеко за Ураломъ.

2. Г. Тобольскъ.

По рекомендаціи случайныхъ пароходныхъ знакомыхъ мы избрали болѣе дешевую гостиницу изъ трехъ имѣющихся въ городѣ — подъ названіемъ „Полярная Звѣзда“. Но мы сейчасъ же по пріѣздѣ убѣдились, что, кромѣ громкаго названія, „Полярная Звѣзда“ ничѣмъ не напоминаетъ наши европейскія гостиницы,— это скорѣе постоялый дворъ въ захолустномъ уѣздномъ городѣ. Темный входъ со двора на крылечко полутораэтажнаго дома привелъ насъ въ неосвѣщенный корридоръ, появился хозяинъ съ огаркомъ свѣчи и предложилъ намъ занять самый лучшій и просторный № 1-й. Большой диванъ, обитый неопредѣленнаго цвѣта матеріей, три стола, нѣсколько стульевъ, за ширмою въ углу кровать, въ простѣнкѣ разбитое зеркало, на окнахъ занавѣски, когда-то бывшія бѣлыми, но, отъ толстаго слоя пыли, онѣ совершенно потемнѣли, и на подоконникахъ цвѣты въ родѣ розовой травки — вотъ обстановка перваго лучшаго номера. На вопросъ, не имѣется-ли почище №, хозяинъ, нѣсколько обидѣвшись, отвѣтилъ: „куда же еще лучше? самые первѣющіе господа здѣсь останавливаются и всегда много довольны!“ Противъ такого аргумента, конечно, возражать нельзя, особенно въ 12 часовъ ночи, какъ и противъ объявленной за номеръ цѣны—1 р. 25 коп. Какъ водится, первое время посвящено было осмотру города и его достопримѣчательностей. Тобольскъ раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ одна расположена по низменной болотистой долинѣ рѣки Иртыша, имѣющей форму тре-

угольника, а другая на возвышенной равнинѣ, гордо поднявшейся надъ этой низменной частью въ видѣ обрывистыхъ горъ, окаймленныхъ съ западной стороны широкой рѣкой Иртышомъ, а съ сѣверной и восточной, непосредственно за нагорной частью города, потянулись на десятки и сотни верстъ лѣса.

Для сообщенія нижней части города съ верхнею имѣется единственный въѣздъ, или, какъ здѣсь называютъ „взвозъ“, для котораго разрыта гора, возвышающаяся надъ нижней частью на 40 саженъ. При подъемѣ на гору у васъ, по лѣвую сторону, надъ обрывомъ высятся зданія Архіерейскаго двора и Никольской церкви, а по правую „садъ Ермака“ и зданіе Тобольскаго музея. Затѣмъ, открывается ровная, какъ столъ, площадь почти квадратной формы, застроенная разными казенными зданіями: 2-я каторжная тюрьма, Тюремный замокъ и сиропитательный домъ тянутся по одной линіи надъ обрывистымъ берегомъ Иртыша, затѣмъ, зданіе присутственныхъ мѣстъ, бывшее когда-то, въ царствованіе Екатерины II, дворцомъ намѣстника Чичерина[1]), и вѣнцомъ всѣхъ этихъ зданій—величественный пятиглавый каѳедральный соборъ, построенный по образцу храма Московскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря въ 1686 году—это было первымъ каменнымъ зданіемъ въ Сибири. Однимъ угломъ площадь примыкаетъ къ зданію музея и къ саду Ермака. Въ музеѣ имѣется рѣдкая и богатая коллекція разныхъ

---

[1]) Былъ сибирскимъ губернаторомъ съ 1763 по 1780 г., переписка его съ императрицей Екатериной была напечатана въ „Русск. Архивѣ“ за 1895 г. Умеръ въ отставкѣ, подвергшись поалѣ. Былъ дѣятельнымъ и заботливымъ администраторомъ.

предметовъ, относящихся къ глубокой древности,—все это случайныя находки, найденныя въ курганахъ, въ поляхъ и лѣсахъ; для археолога въ музеѣ много найдется матеріала для научной разработки различныхъ историческихъ событій Сибирскаго края.

Садъ Ермака, названный именемъ покорителя Сибири, расположенъ на краю горы, отдѣляющей городъ отъ нижней его части; съ трехъ сторонъ эта площадь оканчивается обрывами; на краю обрыва красуется памятникъ Ермаку, представляющій изъ себя четырехгранный обелискъ съ усѣченной вершиной, постаментъ тоже четыреугольный изъ сѣраго мрамора; высота памятника вмѣстѣ съ цоколемъ 20 арш. Съ этого обрыва открывается роскошная панорама: сейчасъ же у подножья горы начинается нижняя часть города, отсюда можно снять самый точный планъ города, такъ отчетливо и ясно видны всѣ дома съ надворными строеніями, улицы и переулки, тутъ же за городомъ р. Иртышъ съ пароходными пристанями, а тамъ, за Иртышемъ, на безконечную даль потянулись зеленые луга съ озерами и лѣсами, а тамъ вдали клубится дымъ приближающагося парохода. И чѣмъ болѣе смотришь въ эту безпредѣльную даль, тѣмъ болѣе поддаешься обаянію красоты и величію природы и тѣмъ болѣе хочется смотрѣть и смотрѣть безъ конца на эту дивную картину... Невольно переносишься мыслью ко времени покоренія Сибири. 300 лѣтъ тому назадъ здѣсь, въ этихъ мѣстахъ, лилась рѣкою кровь, царь Кучумъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ глухія степи изъ своего Испера, развалины котораго находятся въ 25 верстахъ отъ Тобольска, а затѣмъ, когда Сибирь окончательно была покорена, наступаетъ время намѣстничествъ, правленія которыхъ

отличались жестокостью и произволомъ, могущими соперничать съ татарскими князьками.

Эти богатыя впечатлѣніями виды природы настолько подкупаютъ новаго человѣка, что онъ не замѣчаетъ той рѣзкой разницы между городскимъ благоустройствомъ городовъ Средней Россіи и г. Тобольскомъ. На самомъ дѣлѣ, когда впечатлѣнія картинъ природы и новизны внѣшняго облика города устарѣютъ, притупятся, тогда бросается въ глаза многое, чего раньше будто-бы не замѣчалось, или вѣрнѣе не хотѣлось замѣчать.

Начать съ того, что нижняя часть города расположена на болотистомъ берегу Иртыша, подпочвенная вода мѣстами выступаетъ на поверхность земли, для стока этой воды по обѣимъ сторонамъ улицы канавы, всегда наполненныя водою, никуда не стекающею, а стоячею и покрытою зеленою растительностью, какъ вообще въ болотахъ. По городу, въ разныхъ направленіяхъ, протекаютъ ручьи, имѣющіе названіе рѣкъ, но эти ручьи дѣлаются проточными только послѣ ливня или половодья, а въ остальное время они тоже содержатъ въ своихъ ямахъ стоячую воду; въ канавахъ и ручьяхъ плаваютъ гуси, утки, а, гдѣ окажется удобнымъ, на берегу ручья въ грязи копаются или мирно почиваютъ свиньи. Не нужно быть врачемъ санитаромъ, чтобы понять насколько вредна для здоровья атмосфера этой мѣстности. Въ лѣтніе жары, когда въ полдень температура доходитъ до 40^0, а вечеромъ понижается до 10^0 и менѣе, испаренія гніющихъ стоячихъ и подпочвенныхъ водъ наполняютъ воздухъ какимъ-то удушливымъ зловоніемъ... неудивительно, что въ этой части города процентъ смертности вообще, а особенно дѣтей,

достигаетъ громадныхъ размѣровъ; бросается въ глаза большой процентъ чахоточныхъ. Тротуары и улицы вымощены досками, между которыми въ щели протекаютъ всякія нечистоты, немало также заражающія воздухъ; эти мостовыя постоянно гніютъ и потому постоянно въ починкѣ; понятно, что по клочку новой мостовой проѣдешь, какъ по рельсамъ и наоборотъ, какъ соскочишь на старую дырявую мостовую — держись за бока—„всю душу вытрясетъ“. Но и такая мостовая считается благодатью потому, что она, составляя достояніе только нижней части города, обезпечиваетъ безостановочное сообщеніе между обывателями во всѣ времена года, тогда какъ верхняя часть города лишена и такой мостовой — здѣсь имѣются только плохо мощеные тротуары, почему во время грязи движеніе на лошадяхъ по верхней части города представляетъ чуть не вопросъ „жизни и смерти“ и только примѣняется въ крайнихъ случаяхъ, а самое удобное сообщеніе — пѣшеходное. При пѣшеходномъ сообщеніи должна быть соблюдаема осторожность и осмотрительность, иначе можно или ногу сломать, или лобъ раскроить.

Вслѣдствіе дешевизны лѣса большинство построекъ въ городѣ деревянныя; каменныя же зданія, преимущественно казенныя или общественныя, составляютъ ничтожный процентъ общаго числа строеній; эти послѣднія зданія, какъ гласитъ преданіе, построены плѣнными шведами, высланными сюда при Петрѣ Великомъ. Въ нижней части города 9 церквей, а въ верхней 6, большинство церквей имѣютъ колокольни безъ желѣзныхъ крышъ—онѣ кирпичныя съ крутымъ спускомъ, большинство церквей двухъ-этажныя—для лѣтней и зимней службы. Кромѣ православныхъ храмовъ въ го-

родѣ имѣются: костелъ, кирка, мечеть и синагога. Сравнительно большое количество православныхъ храмовъ далеко не свидѣтельствуетъ о религіозности обывателей: церкви почти всегда пусты и потому въ большинствѣ приходскихъ церквей служба происходитъ лишь по праздникамъ; объ ранней обѣднѣ, какъ у насъ въ Россіи, здѣсь никто не имѣетъ даже понятія.

Изъ общаго числа жителей города Тобольска, 20887 человѣкъ, числится православныхъ 17,172 человѣка, магометанъ 400 человѣкъ, евреевъ 1782 человѣка, лютеранъ 223 человѣка, католиковъ 1302 человѣка и другихъ вѣроисповѣданій 8 человѣкъ. Такимъ образомъ число евреевъ составляетъ 10% населенія православнаго. Какъ всюду, евреи занимаются исключительно торговлей и разными отраслями промышленности и мастерствами. Пользуясь правами гражданства почти наравнѣ съ другими обывателями, здѣсь евреи нахальны и дерзки гораздо болѣе чѣмъ въ Россіи. До чего доходитъ дерзость евреевъ можно судить изъ такого случая: одинъ еврей, обладающій осанистою внѣшностью и довольно чисто говорящій по-русски, обрядился въ мундиръ прокурора, взялъ съ собою сообщника, тоже пархатаго и отправился въ глухія деревушки. Тамъ онъ, изображая изъ себя особу, облеченную властью, устраивалъ разные гешефты, напр. за освобожденіе отъ воинской повинности одного призываемаго онъ взялъ съ довѣрчиваго родителя 500 руб., у другихъ брался обдѣлать дѣло въ судѣ и т. п. Когда возникло дѣло въ судѣ, то мнимый прокуроръ отдѣлался сравнительно легко: свидѣтели, по большей части получившіе обратно деньги съ процентами или отказались, или же давали не такія показанія, какія надлежало, но

все же пархатый прокуроръ высидѣлъ три мѣсяца въ тюрьмѣ.

Такъ называемая общественная жизнь проявляется здѣсь вяло, сонно и какъ-то незамѣтно; движеніе въ городѣ замѣтно съ утра во время базаровъ до обѣда, затѣмъ, улицы пустѣютъ и къ 8 часамъ вечера лѣтомъ и много ранѣе зимою всѣ магазины запираются и по улицамъ жизнь почти прекращается. Слабое проявленіе жизни замѣчается при такихъ крупныхъ событіяхъ какъ мобилизація, отправка войскъ, проѣздъ на пароходахъ плѣнныхъ японцевъ. Правда, ежедневныя телеграммы (утреннія и вечернія), издаваемыя нашей единственной частной газетой „Сибирскій Листокъ", читаются и обсуждаются съ интересомъ не только интеллигентнымъ и торговымъ классомъ, но даже едва грамотными мастеровыми и извозчиками. Въ лѣтнее время въ саду Ермака часто бывало гулянье, игралъ военный оркестръ, но все жъ таки гулянье и музыка большею частью оканчиваются въ 10 ч. вечера, а послѣ публика расходится спать. За все лѣто было три гулянья съ благотворительной цѣлью, съ фейрверками, съ грамофономъ и буфетомъ, — только послѣ этихъ необычныхъ вечеровъ нѣкоторые любители холодной закуски были обрѣтены утромъ слѣдующаго дня блаженно почивавшими подъ кедрами на зеленой травѣ; но это рѣдкое исключеніе.

Въ зданіи Общества Народной Трезвости, именуемой аудиторіей, подвизается драматическая труппа, такъ мало посѣщаемая публикой, что представителямъ Мельпомены грозитъ трагикомическій конецъ.

Для небольшого кружка интеллигентовъ, преимущественно чиновныхъ, лицъ существуетъ общественное

собраніе, въ которомъ, конечно, играютъ... Вотъ какъ проявляется общественная жизнь въ г. Тобольскѣ.

Аристократію и вообще интеллигенцію города составляютъ служащіе разныхъ вѣдомствъ и учрежденій; о помѣщикахъ-дворянахъ здѣсь обыватель имѣетъ смутное представленіе. Чиновничьи кружки для препровожденія времени группируются большею частью по ступенямъ іерархической лѣстницы за весьма рѣдкими исключеніями, когда особа, стоящая на одну ступень выше, снисходитъ... Между чиновниками есть, конечно, много изъ мѣстныхъ уроженцевъ, но громадный процентъ и прибывшихъ изъ Россіи, ради привилегій службы. Такъ почти весь контингентъ крестьянскихъ начальниковъ, врачей, лицъ судебнаго вѣдомства, учителей среднихъ учебныхъ заведеній, техниковъ, агрономовъ и другихъ — изъ Россіи. Всѣ эти люди, большею частію молодые, вносятъ въ жизнь сибирскаго населенія новыя понятія, такъ называемыхъ, правовыхъ отношеній, и потому существующій въ Россіи взглядъ на сибирскіе порядки, якобы представляющіе широкое поле для административнаго и прочаго произвола, далеко не выдерживаетъ критики. Прежде всего нужно обратить вниманіе на то, что коренное населеніе Сибири, закаленное въ борьбѣ съ суровою природой, незнакомое съ помѣщичьемъ произволомъ, имѣетъ совершенно иной характеръ, рѣзко отличающій сибиряка отъ россіянина: онъ чувствуетъ себя самостоятельнымъ, независимымъ и не только не боится чиновника (напр. станового пристава), но онъ даже не сниметъ передъ нимъ шапки при разговорѣ. Но, помимо пришлаго чиновнаго люда, на сибирское населеніе не мало вліяютъ ссыльные всѣхъ сортовъ, разбросанные по селамъ гу-

берніи, они едва-ли не болѣе интеллигентныхъ начальниковъ вліяютъ на населеніе. Послѣдствіе этого вліянія—масса прошеній и жалобъ во всѣхъ учрежденіяхъ, писанныхъ, очевидно, ссыльными отъ имени крестьянъ. Хотя разумѣется, подъ сурдинкою обдѣлываются дѣла и дѣлишки и здѣсь, какъ не застрахована отъ сего и болѣе цивилизованная Россія; разница только въ томъ, что здѣсь дѣлается все и обдѣлывается какъ-то прозрачно, аляповато, а тамъ, въ Россіи, проявляется болѣе искусства.

Нельзя не обратить вниманія на особенности разговорнаго языка. Прежде всего—рѣчь отрывистая, ударенія въ словахъ, двухсложныхъ всегда на первомъ слогѣ напр. Тàмбовъ, рàзъѣздъ и т. п. Затѣмъ, своеобразная замѣтка названій разныхъ предметовъ: вмѣсто прислуга—жиличка, половникъ—поваренка, кочерга—клюка, церковный сторожъ—трапезникъ, торговаться—рядиться, вмѣсто словъ *зачѣмъ* и *что* говорятъ пошто? чо? И это не только народный говоръ, все это можно услышать и въ разговорѣ съ мѣстными уроженцами болѣе или менѣе цивилизованными.

В. Суровикинъ.

Г. Тобольскъ.
Октябрь 1904 г.